

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

ПРОБЛЕМА РОМАНСКИХ ПРОТОАРТИКЛЕЙ (на материале позднелатинских памятников)

*М. К. Сабанеева (Санкт-Петербург)**

1. Романский определенный протоартикл в позднелатинских памятниках не предстает еще в своих усеченных формах (li, il, lo и т.п.), совпадая по внешнему облику со своим этимолом — указательным местоимением ille, illa. Неопределенный протоартикл, как и в большинстве современных романских языков, сохраняет формальное тождество с этимолом — числительным unus. Таким образом, формальные критерии принадлежности unus и ille категории протоартиклей в текстах поздней латыни не обнаруживаются.

Очевидно, что только содержательные признаки могут быть показателями возникновения протоартиклей.

2. Признаком появления протоартикла неопределенности является перераспределение сем по степени значимости в форме unus: перенесение акцента с количественной характеристики единичности на качественную характеристику представления о предмете как о неопределенном, т. е. не индивидуализированном в момент речи [Андреева 1998: 64].

Для определенного протоартикла критерием его образования должно служить его употребление только в таких контекстах, которые исключают использование указательного местоимения. Только при отрыве от действительности и прямой анафоры можно констатировать возникновение специфического артиклевоего значения определенности. Подобная ситуация имеет место при ассоциативной анафоре. На материале современного языка эту функцию определенного артикла иллюстрировал Ж. Клайбер примером *Nous arrivâmes dans un village. L'église (*cette église) était fermée* [Kleiber 1990]. Показательно, что при переводе на безартиклевый язык использование указательного местоимения здесь невозможно.

3. Языковой материал позднелатинских памятников свидетельствует о значительном преобладании средств выражения неопределенной детерминации над средствами выражения определенной детерминации.

Учитывая приблизительность отображения устной народной речи в письменных позднелатинских текстах, есть основания тем не менее заключить, вопреки распространенному мнению, что неопределенный протоартикл появился раньше определенного.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 00-15-98831.

4. Гипотеза о более раннем возникновении неопределенного протоартикла по сравнению с определенным имеет как фактическое, так и теоретическое обоснование.

а) Еще в классической латыни неопределенное местоимение *quidam* могло употребляться в значении неопределенного артикла. В позднелатинских текстах такое употребление *quidam* чрезвычайно распространено. Использование *quidam* в функции неопределенного протоартикла свидетельствует о наличии потребности выразить единицу содержательного плана, за которой еще не закрепилась окончательно специализированная форма *unus*, и отражает ориентацию письменной речи на классическую традицию.

б) Этимон неопределенного протоартикла *unus* проходит менее сложный путь семантической эволюции, чем этимон определенного протоартикла. В семном составе числительного *unus* имелась изначально сема отсутствия индивидуализирующих признаков, так как счет возможен лишь при отвлечении от своеобразия каждого из предметов, подлежащих исчислению. Что же касается местоимения *quidam*, то оно в качестве исконного значения имело специфическую неопределенность «какой-то».

В отличие от *quidam* и *unus* латинскому указательному местоимению *ille* предстояло пройти намного более сложный путь семантической эволюции для того, чтобы стать протоартиклом. От указания на предмет / лицо, находящиеся за пространственными пределами речевой ситуации, *ille* переходит к обозначению представления о предмете / лице, сформировавшемся в сознании до момента речи, т. е. начинает выражать временное предшествование представления акту речи [Guillaume 1919: 13; Щерба 1982: 40]. Форма *ille* приобретает новое, в высшей степени абстрактное значение совершившейся до момента речи индивидуализации представления о предмете / лице, иными словами, значение определенности.

в) Грамматическое значение неопределенности сопряжено с «первичным предъявлением» предмета / лица в речи, т. е. содержит новую для адресата информацию. Поэтому коммуникативно-прагматический фактор должен был, естественно, способствовать в первую очередь появлению показателей неопределенности.

Литература

Андреева Е. В. К вопросу о функциях артикла *un* в старофранцузском языке // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 7. СПб 1998.

Щерба Г. М. К проблеме генезиса определенного артикла французского языка // Проблемы комплексного анализа языка и речи. Л. 1982.

Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris, 1919.

Kleiber G. Sur l'anaphore associative: article défini et adjectif démonstratif // Rivista di linguistica. 1990 V. 2. № 1.

**КАТЕГОРИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ:
СЕМАНТИКА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
(на материале современного французского языка)**

Е. А. Ванчикова (Нижний Новгород)

Категория детерминации — семантико-синтаксическая категория, представляющая частный случай актуализации — перевода слова из языка в речь. Являясь семантической и синтаксической одновременно, детерминация характеризуется содержательной и формальной стороной, то есть ей присущи определенное семантическое содержание и способы выражения данного содержания.

Семантическое содержание категории детерминации заключается в том, что она отражает знания говорящих об экстралингвистическом мире. Это выражается в степени информированности участников ситуации о предмете разговора: объект получает статус известного, определенного при его идентификации обоими участниками ситуации; объект является неизвестным, неопределенным, если хотя бы один из участников его не идентифицирует. Следовательно, категория детерминации включает в себя как понятие определённости, так и неопределённости.

Детерминация может быть качественной и количественной. Качественная детерминация отражает степень информированности говорящих о предмете, количественная детерминация указывает на количественную характеристику называемого объекта.

Качественную детерминацию, а именно определённую, можно разделить на три вида: семантическую, ситуативную и контекстуальную. Семантическая детерминация свойственна объектам, единственным в своем роде (*le soleil, la lune, le ciel*), и объектам с обобщающим значением (*Le coton se vend cher*); ситуативная детерминация создается экстралингвистической ситуацией, в которой называемый объект известен участникам ситуации и находится в поле их зрения (*Le président a levé la séance*); контекстуальная детерминация осуществляется собственно языковыми способами, к которым относятся предшествующий контекст (анафора), дополнение имени и придаточное относительное (*Ils ont vu une maison. Le bâtiment était en brique; Le livre de cet étudiant est en bon état; Le texte que j'ai lu est intéressant.*)

Второе значение качественной детерминации — неопределённость — может быть обусловлено как семантически: когда речь идёт об объекте, относящемся к целому классу подобных объектов (*C'est une table*), так и контекстуально: при помощи эпитета (*J'ai fait un voyage inoubliable*), дополнения имени без детерминатива (*Il cherche un travail d'électricien*), придаточного относительного, недостаточно определяющего объект (*Il est parti un matin qu'il neigeait*).

Качественная определенность противопоставляется количественной, выражаемой в оппозиции целостность / частичность (le lait / du lait) и единичность/множественность (une pomme / des pommes).

Однако следует отметить, что между качественной и количественной детерминацией нет чёткой границы. Любой из детерминативов выражает оба аспекта детерминации: качество и количество, но один из них выступает на первый план. Так, в примере Il a acheté des livres реализуется как качественная детерминация — неопределённость называемого объекта, так и количественная детерминация — множественность.

Содержательная характеристика категории детерминации может быть представлена в следующей схеме:

ДЕТЕРМИНАЦИЯ

Основным способом выражения категории детерминации является артикль. Оппозиция le / un выражает качественную детерминацию; оппозиция le/du – количественную.

Артикль, принадлежа к детерминативам, является не единственным способом выражения категории детерминации. Определенность / неопределенность объекта может быть выражена другими детерминативами, которые подразделяются на две группы.

Первая группа представлена артиклями, указательными, притяжательными и вопросительными прилагательными (des livres, ces livres, mes livres, quels livres ?). Данные способы выражения детерминации не могут комбинироваться между собой.

Ко второй группе относятся детерминативы, употребляемые двумя способами: самостоятельно, как детерминативы первой группы (trois livres, quelques livres), либо в комбинации с каким-нибудь другим детерминативом (les trois livres, mes quelques livres).

Кроме названных двух групп детерминативов существует еще один способ выражения категории детерминации: местоимения. Данная часть речи непосредственно связана с детерминацией, поскольку местоимения являются субститутами существительного, указывающего на определенность / неопределенность объекта. Одни классы местоимений заменяют существительные со значением определенности (Cet homme est venu —

Celui-ci est venu), другие — со значением неопределенности (Un homme est venu — Qui est venu ?).

На наш взгляд, местоимения со значением определенности представлены такими классами, как притяжательные (Ce livre est le mien), указательные (Sur la photo vous voyez deux filles : celle-là est heureuse), личные (Un homme est entré. Il semblait triste), прилагательные (Hier il a vu un film intéressant, maintenant il en parle), относительные (Le livre que j'ai lu est amusant).

Местоимения, заменяющие существительные со значением неопределенности, представлены вопросительными местоимениями (Qui êtes-vous ?) ; неопределенными (Dans cette ville je ne connais personne).

Таким образом, богатый спектр значений категории детерминации обусловлен разнообразными способами ее выражения, к которым относится не только традиционно признаваемый артикль, но и все другие детерминативы, а также различные классы местоимений.

О СВЯЗИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ И ИСТОЧНИКА ИНФОРМАЦИИ (на материале французского языка)*

Е. Е. Корди (Санкт-Петербург)

В настоящем сообщении на материале французского языка рассматриваются способы оценки говорящим информации, которую он сообщает. Эта оценка может производиться с разных точек зрения. Нас интересуют в этом плане два типа оценки:

1. Оценка самим говорящим степени достоверности передаваемой им информации, для обозначения которой употребляются в языкознании термины «субъективная модальность», «логическая модальность» [ЛЭС 1990: 303], «модальность высказывания» [Сабанеева 1992], «эпистемическая модальность» [Givón 1982].

2. Оценка говорящим источника передаваемой информации. В разных лингвистических школах для передачи этих значений употребляются термины: «эвиденциальность» [Nuyts, Dendale 1994] и «медиатив» [Guentchéva 1994].

Эти значения коренным образом связаны между собой: оценка достоверности информации в значительной степени определяется тем, каков ее источник и насколько сам говорящий доверяет данным, почерпнутым из этого источника.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 00-15-98831 «Петербургская Школа функциональной грамматики».

Категория эвиденциальности¹ во французском языке, с нашей точки зрения, включает в себя две граммы со значением источника информации: пересказывательность и инференциальность [Корди 1998].

Категория эпистемической модальности включает в себя целую гамму оценок достоверности содержания высказывания, таких, как уверенность, предположение, сомнение, от самой высокой степени достоверности до ее отрицания [Givón 1982]. Таким образом, грамматические значения этих двух категорий различны. Тем не менее, между ними существует неразрывная семантическая связь.

В настоящем сообщении мы пытаемся показать, что грамматические средства передачи эвиденциальности всегда несут одновременно с этим и оценку степени достоверности информации. В этих случаях эвиденциальность и эпистемическая модальность представляют как бы две стороны одной медали, поскольку передаются совместно одними и теми же средствами. Среди этих средств мы различаем морфологические (кондиционал в одном из его употреблений и модальный футурум, который в этом случае не имеет темпорального значения) [Корди 1998] и лексико-синтаксические (модусные конструкции, конструкции с модальными глаголами и инфинитивом) [Гак 1993; Dendale 1994; Tasmowsky, Dendale 1994; Nølke 1994].

Рассмотрим основные из этих средств, начиная с морфологических.

Кондиционал (или глагольная форма на *-rais*) может употребляться для передачи информации, полученной с чужих слов, в значении *пересказывательности*. При этом часто в этом же предложении или в контексте имеется указание на источник информации. Ср.: *Arrive la déposition d'un témoin: Chaplain lui aurait dit qu'il n'aimait pas ses patrons, «qu'ils étaient bons à tuer». Le gosse semble s'éveiller. Outré et furieux, il prononce de formelles dénégations (J. Antoine) 'Выступает один из свидетелей: Шаплен якобы сказал ему, что он не любит своих хозяев, «что их и убить не жалко». При этом парень встрепенулся. В ярости, обиженный, он категорически отрицает показания свидетеля'*. Пример типичен для кондиционала пересказывательности: здесь есть указание на источник информации (свидетель) и здесь ясно ощущается сомнение автора в правдивости информации: автор отстраняется и не берет на себя ответственность за ее достоверность. Это сомнение подтверждается тем, что протагонист (*le gosse*) яростно отрицает эту информацию.

Мы считаем, что эти два семантические компонента: информация «с чужих слов» и сомнение говорящего в ее достоверности обязательны для

¹ Для обозначения изучаемой категории мы будем употреблять термин **эвиденциальность**, но маркированной граммемой данной категории является ее отрицательная граммема, а именно **неэвиденциальность**. Когда говорящий описывает в своей речи очевидный факт, свидетелем которого он был, или общеизвестное положение, основываясь на точном знании, специальная маркировка не требуется. Необходимость маркировки появляется тогда, когда источник информации является косвенным, в результате чего говорящий не уверен в передаваемой им информации.

кондиционала пересказывательности. Таким образом, этой формой выражается как значение источника информации, так и невысокая оценка ее достоверности.

Формы футурума также могут употребляться в значении эвиденциальности или медиатива, выражая значение **инференциальности** или логического вывода. Это так называемый «предположительный футурум» (*futur conjectural*) или «эпистемический футурум» (*futur épistémique*). Обычно в этом значении употребляются формы сложного футурума (*futur antérieur*), соответствующие по своему темпоральному значению сложному прошедшему времени (*passé composé*). Ср.: ...il recevait de très belles lettres de lui, peut-être parmi les dernières lettres d'homme libre qu'il aura écrites (F. Groult) '... он получал от него прекрасные письма, может быть, из числа последних писем, которые тот написал еще будучи на свободе'. Форма сложного футурума, не имеющая значения будущего времени, маркирует предположительное действие, вводное модальное слово *peut-être* 'может быть' подчеркивает значение логического вывода, которое лежит в основе предположения, и в сочетании с модальным футурумом показывает, что достоверность информации не абсолютна.

В некоторых случаях логический вывод эксплицитно выражен в пределах рассматриваемого предложения, где дается хотя бы одна его предпосылка: Elle sera entrée par une porte de côté puisque la base des tours, la façade et la première travée sont, l'an 1200, encore en chantier (R. Pernoud) 'Она вошла наверно через боковую дверь, потому что основания башен, фасад и первая галерея в 1200 году еще только строятся'.

Таким образом, предложение с модальным футурумом объединяет в себе грамматические значения инференциальности и неабсолютной достоверности, характерной для предположений.

Переходим к анализу лексико-синтаксических способов выражения категории эвиденциальности. Мы не ставим целью перечислить все такие способы, остановимся на некоторых, наиболее употребительных.

Предложение с модусным оборотом *il paraît que* 'кажется'. Этот оборот маркирует грамматическое значение пересказывательности или информации, полученной с чужих слов [Nølke 1994]. Ср.: — Et maintenant, qu'est-ce que tu comptes faire? demanda Bruno. <...> — Je me suis renseignée, répondit Célia. Il paraît que je pourrais obtenir une bourse pour finir ma thèse à Venise (C. Pellé-Doué) '— А теперь что ты собираешься делать? — спросил Брюно <...> — Я навела справки, ответила Селия. Кажется, я могла бы получить стипендию, чтобы завершить свой диплом в Венеции'. Так же, как в случае с кондиционалом, значение пересказывательности сопровождается неуверенностью говорящего в полученных и передаваемых им сведениях.

Модусная конструкция может быть преобразована в конструкцию с вводными словами или оборотами, в которой модус *il paraît que* принимает

форму *paraît-il* или à *ce qu'il paraît*, сохраняя значение пересказывательности: *Un nommé Degaulle qui a prononcé à Londres un discours exaltant, paraît-il, vient d'être destitué...* (B. et F. Groult) 'Какой-то Деголь, который я к о б ы произнес в Лондоне страстную речь, получил отставку...'

Для передачи значения инференциальности часто употребляются конструкции с модальными глаголами *pouvoir* 'мочь' и *devoir* 'быть должным' [Dendale 1994; Tasmowsky Dendale 1994]. Ср.: *...l'ingénieur reprit: «Or, la longueur du trajet souterrain rend d'autant plus difficile la localisation de l'accident, qui peut être expliqué par quatre hypothèses différentes»* (M. Pagnol) '...инженер продолжал: «Итак, длина подземного потока затрудняет еще больше локализацию события, которое может быть объяснено с помощью четырех различных гипотез»; *J'en suis donc à peu près sûre: pour le Warwickshire comme pour le reste, April avait dû consulter le grand Atlas...* (M. T. Humbert) 'В этом я почти уверена: что касается Варвикшира, как и всего остального, Апрель, должно быть, использовала Большой Атлас...'. Обе модальные конструкции в данном случае имеют значение логического вывода, но с точки зрения значения степени достоверности информации, они различаются. Модальный глагол *pouvoir* квалифицирует информацию как возможную, тогда как глагол *devoir* характеризует ее как имеющую более высокую степень достоверности.

Мы остановились на четырех способах передачи значения эвиденциальности и можем констатировать, что они объединяют значение источника информации и степени ее достоверности. Мы считаем, что это сочетание грамматических значений вообще характерно для всех способов выражения категории эвиденциальности. Маркировка источника информации как косвенного или неточного имеет своей целью показать, что говорящий не уверен в реальности или правдивости информации.

Литература

- Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.
- Корди Е. Е. К вопросу о категории эвиденциальности (в связи со значениями некоторых форм французского глагола) // Вопросы романского и общего языкознания: Сб. науч. трудов к 50-летию кафедры романской филологии РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 1998.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Сабанеева М. К. Модальность высказывания // Французский язык в свете теории речевого общения. СПб., 1992.
- Dendale P. *Devoir épistémique, marqueur modal ou évidentiel?* // *Langue française*. 1994. № 102.
- Givón T. *Evidentiality and Epistemic Space* // *Studies in Language*. 1982. Vol. VI. № 1.

Guentchéva Z. Manifestations de la catégorie du médiatif dans les temps du français // *Langue française*. 1994. № 102.

Nölke H. La dilution linguistique des responsabilités. Essai de description polyphonique des marqueurs évidentiels *il semble que* et *il paraît que* // *Langue française*. 1994. № 102.

Nuyts J., Dendale P. Bibliographie sélective de l'évidentialité // *Langue française*. 1994. № 102.

Tasmowsky L., Dendale P. *Pouvoir E*, un marqueur d'évidentialité // *Langue française*. 1994. № 102.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТИ (на материале французского языка)

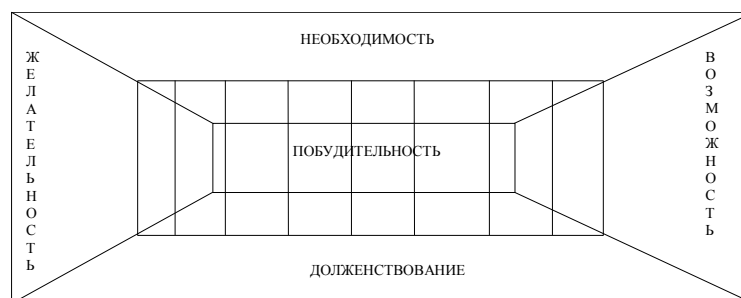
Г. И. Петрова (Нижний Новгород)

Функциональная грамматика представляет широкие возможности для изучения побудительности, ее семантической структуры и разноуровневых средств выражения. Одним из центральных понятий теории функциональной грамматики является понятие категориальной ситуации (КС). При классификации КС можно выделить несколько видов, в том числе, применительно к побудительной модальности, побудительную КС, которая называется императивной ситуацией (ИС). Основными элементами ИС являются субъект волеизъявления (С1), субъект-адресат (С2), предикат, раскрывающий содержание волеизъявления [ТФГ 1990: 80–84]. ИС образуют гомогенную систему, которая базируется на семантическом признаке фокализации ИС на той или иной характеристике действия, выраженного в побудительном высказывании. Виды ИС объединены общей побудительной функцией. Они равноправны, не образуют иерархических отношений и при взаимодействии дополняют друг друга. Система ИС французского языка состоит из десяти видов: ИС-объект, ИС-директив, ИС-адресат, ИС-квалитатив, ИС-квантитатив, ИС-статуатив, ИС-актив, ИС-темпоратив, ИС-финитив, ИС-маркер¹. Необходимо отметить, что количество элементов данной системы может варьировать в сторону расширения или сужения без изменения ее основных характеристик.

Побудительная модальность является частью общей системы модальности, в рамках которой она относится к значению потенциальности наряду с необходимостью, желательностью (оптативностью), возможностью и долженствованием. Эти виды модальности частично пересекаются и

¹ При выборе терминов для названия отдельных видов императивной ситуации автор руководствовался данными «Синтаксического словаря» Г. А. Золотовой [1988: 430–432]. В некоторых случаях термины образованы по аналогии.

вливают на функционирование друг друга. Их отношения могут быть представлены следующей схемой:

Побудительная модальность объединяет круг определенных языковых явлений, которые имеют значение побудительности. Эти явления должны обладать едиными дифференциальными признаками, которые, с одной стороны, организуют их в некоторую модальную систему, а с другой стороны, отличают эту систему от подобных ей модальных систем. Семантические признаки характеризуют побудительную модальность с точки зрения семного анализа, при котором определяются семы, необходимые для существования значения побудительности.

Процесс функционирования побудительной модальности можно представить через две стадии развития ситуации необходимости / желательности в ИС:

1) предварительная стадия, на которой С1 выражает собственное желание или констатирует необходимость относительно тех или иных действий (*je veux* или *il faut*);

2) основная или смысловая стадия, на которой С1 сообщает смысл конкретного действия, реализации которого он ожидает от С2 в силу необходимости или собственной воли (*que tu fasses quelque chose*).

Развитие ситуации может остановиться на первой предварительной стадии, тогда высказывание характеризуется модальностью желательности или необходимости, например, *je veux partir / il faut partir*. Если развитие ситуации включает обе стадии, то высказывание приобретает побудительную модальность. В этом случае желательность и необходимость могут рассматриваться как причины побудительности. Наиболее наглядно обе стадии представлены в сложноподчиненных предложениях типа: *je veux que tu partes / il faut que tu partes*.

При исследовании ИС учитывается целый комплекс аспектов речевого общения: не только предыдущая ситуация, которая стала причиной возникновения ИС, но и взаимоотношения участников общения, их соположение в социальной иерархии. ИС требует наличия потенциального исполнителя, который должен выполнить требуемое действие. Природа этого «долга» может быть различна: профессиональный долг, личный, соци-

альный и т. д. В этом заключается взаимодействие побудительности с модальностью долженствования. Более того, в некотором смысле учитывается и последующая ситуация, т. е. прогнозируются действия С2. С1 побуждает С2 к действиям, имея в виду, что С2 сможет их выполнить. Имеется в виду физическая и моральная возможность, а также разрешение действовать. Так модальность возможности влияет на модальность побудительности.

При учете данной системы функционирования побудительной модальности, ее семантическая структура может быть представлена как результат взаимодействия побудительности со следующими категориями:

1. Значения желательности или необходимости как предпосылки возникновения побудительности.

Тезис о том, что побудительная модальность взаимодействует с модальностями желательности и необходимости, уже отмечался в лингвистической литературе [Мицкевич 1974: 273; Алисова 1971: 182]. Воля и необходимость образуют одно значение, поскольку необходимость в чистом виде представляет собой волю обстоятельств. Принимая данный тезис, можно объединить категории желательности и необходимости как предпосылки возникновения ИС.

При взаимодействии модальностей побудительности и желательности С1 выражает собственную волю говорящего (*je veux*). Значение желательности относится к сфере желательной модальности, оно сосредоточено на первом лице единственного или множественного числа и выражается так называемыми глаголами волеизъявления (*vouloir, demander, ordonner, défendre...*). В ИС С1 выражает собственную волю относительно исполнения действия С2, т. е. С1 побуждает С2 совершить действие, которое по замыслу С1 должно совершиться. Модальности желательная и побудительная не только объединены значением волеизъявления, но функционально-семантическое поле (ФСП) желательности пересекается с ФСП побудительности, причем между ними нет четкой выраженной границы, и существует зона совместного функционирования.

Взаимодействие модальностей может быть проиллюстрировано следующими примерами:

- 1) *Je veux une romme* = желательная модальность;
- 2) *Je veux que tu me donnes une romme* = переходная зона от желательной модальности к побудительной; в этой зоне значения желательности и побудительности объединяются, так что трудно определить, какое из двух: желательность или побудительность, — присутствует в высказывании в большей степени; это — зона совместного функционирования желательной модальности и побудительной;
- 3) *Donne-moi une romme!* = побудительная модальность.

При взаимодействии модальностей побудительности и необходимости С1 выражает «волю обстоятельств», т. е. необходимость чего-либо. Если С1 сообщает С2 о том, что последнему необходимо совершить какие-либо

действия, то он становится «оратором обстоятельств». С1, «озвучивая» необходимость, присоединяет к ней свою волю. Характеризуя ту или иную ситуацию как необходимую, С1 тем самым побуждает С2 к выполнению действия. С1 при модальности необходимости сконцентрирован на «неопределенно-личном» лице (il).

Для С2 необходимость и желательность в одинаковой мере являются причинами побуждения к действию. Для него необходимость и желательность представляются значениями одного порядка, которые различаются природой побуждающего фактора: необходимость является объективной причиной побудительности, а желательность воспринимается как субъективная причина.

Взаимодействие необходимости и побудительности аналогично взаимовлиянию желательности и побудительности: между модальностью необходимости и модальностью побудительности существует переходная зона, которая может объединять семантику необходимости и побудительности. Наличие этой зоны может быть подтверждено серией примеров:

- 1) Il faut partir = модальность необходимости;
- 2) Il faut que tu partes = переходная зона от модальности необходимости к модальности побудительности, зона их совместного функционирования;
- 3) Pars! = побудительная модальность.

Таким образом, ИС могут характеризовать следующие несовпадающие значения: значение желательности, относящееся к желательной модальности и сконцентрированное на первом лице (С1), и значение побудительности, относящееся к побудительной модальности, и сконцентрированное на втором лице (С2); либо значение необходимости, которое относится к модальности необходимости и сконцентрировано на «неопределенно-личном» лице, и значение побудительности.

2. Значения долженствования и возможности как предпосылки функционирования побудительности.

Функционирование побудительной модальности также связано с модальностями долженствования и возможности. Однако, взаимоотношения модальностей долженствования и побудительности и модальностей возможности и побудительности принципиально отличаются от отношений «желательность / побудительность» и «необходимость / побудительность». Различие состоит в том, что значение побудительности логически вытекает из значений необходимости и желательности. Другими словами необходимость и желательность являются причинами побудительности, они характеризуют С1. Модальности долженствования, возможности и побудительности функционируют параллельно. Значение побудительности не зависит от значений долженствования и возможности, оно лишь проявляется на их фоне. В ИС эти значения предполагают друг друга. Значения долженствования и возможности характеризуют С2, в отличие от значений желательности и необходимости.

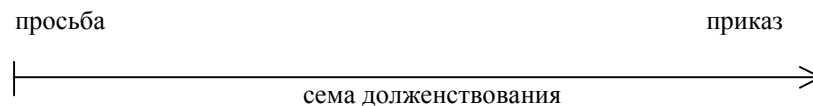
Предположение о существовании связи между побудительной модальностью и модальностью долженствования состоит в следующем: для адресата речи чужая воля воспринимается как принуждение к действию, т. е. выполнение действия признается необходимым в силу внешних факторов. Воздействие на адресата речи оказывается одинаковым при восприятии как суждения о долженствовании, так и волевого призыва, если по социальным или личным отношениям адресат речи находится в некоторой зависимости от говорящего [Сабанеева, Щерба 1990: 195].

Два действующих лица ИС: С1 и С2, — находятся в определенных социальных и личных взаимоотношениях. Эти отношения могут определять два полярных типа побудительности:

1) С1 доминирует над С2: $C1 \rightarrow C2$. С1 имеет право на побуждение, а С2 должен его реализовать. Такое высказывание условно можно назвать «приказом».

2) С2 доминирует над С1: $C1 \leftarrow C2$. С2 не должен (не обязан) выполнять побуждение. С1 может лишь надеяться на его реализацию. Такое высказывание условно можно назвать «просьбой».

Доминантой семантического содержания побудительной модальности становится модально-ситуативный признак зависимости субъекта-адресата от субъекта волеизъявления, выраженный в ИС семой долженствования. Количество семы долженствования обусловлено взаимоотношениями между С1 и С2. Это количество может варьировать. Именно эта характеристика определяет частное значение побудительной модальности, что может быть представлено следующей схемой:

Модальность возможности характеризует ИС с точки зрения разрешенности выполнения волеизъявления. Значения возможности и долженствования выводятся одно из другого. Долженствование может рассматриваться как сильный модальный признак, который предполагает возможность как слабый модальный признак (термины «слабый и сильный модальные признаки» заимствованы у Е. Е. Корди [Корди 1988: 50]). Ср.: *tu dois aller à Moscou* и *tu peux aller à Moscou*. Если значение долженствования рассматривать как обязанность, а возможность как разрешенность, то между ними существует определенная семантическая связь, и возможность вытекает из долженствования (отношение слабого и сильного модального признака). Модальность долженствования предполагает обязательное выполнение действия, а модальность возможности допускает разные перспективы разрешения потенциальной ситуации — как ее реализацию, так и нереализацию.

Модальность возможности представлена в побудительном высказывании не только в форме разрешенности действия, но и форме физической, моральной возможности:

а) Leni, *elle regarde l'horloge*. — Trois heures dix, Werner: tu peux te lever (J.-P. Sartre) — разрешенность;

б) ... Capitaine, ... *pouvez-vous m'aider?* (A. Saint-Exupéry) — физическая возможность;

в) Jessica . — Oh! avec moi, vous pouvez très bien rester seul. Je ne suis pas embarrassante (J.-P. Sartre) — моральная возможность.

Итак, побудительная модальность является результатом развития ситуации от необходимости или желательности на фоне долженствования и возможности. Можно предложить следующую схему функционирования побудительной модальности: *желательность или необходимость* → *побудительность (на фоне долженствования и возможности)*, которая выражается моделью: «je veux (il faut) que tu fasses quelque chose (parce que tu dois et tu peux le faire)». Значения желательности и необходимости относятся к сфере С1, тогда как значения долженствования и возможности характеризуют С2. Эти признаки достаточны для того, чтобы описать семантическую структуру ИС, так как они описывают основных ее участников: С1 и С2. Каждое побудительное высказывание кроме семы побудительности имеет дополнительные семы: желательности или необходимости, долженствования и возможности. При этом наблюдается феномен совместного функционирования модальностей. Дополнительные семы могут быть выражены или не выражены эксплицитно, но имплицитно всегда присутствуют в ИС, при этом их соотношение в высказывании может варьировать.

При такой семантической схеме побудительной модальности, возможны случаи транспозиции средств выражения модальностей необходимости, долженствования, желательности и возможности для выражения побудительной модальности.

Литература

Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). М., 1971.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.

Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Л., 1988.

Мицкевич З. В. Аспекты изучения побудительных высказываний (на материале современного французского языка) // Вопросы романо-германского и славянского языкознания. Минск, 1974.

Сабанеева М. К., Щерба Г. М. Историческая грамматика французского языка. Л., 1990.

ТФГ 1990 — Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

**МОДАЛЬНОСТЬ НЕОБХОДИМОСТИ
И СИТУАЦИИ НЕОБХОДИМОСТИ В ЗНАЧЕНИИ ПОТРЕБНОСТИ
(на материале французского языка)**

Е. А. Загородская (Нижний Новгород)

Категория модальности представляет собой один из наиболее спорных объектов изучения ряда смежных наук: философии, логики, лингвистики. В рамках отечественной и зарубежной лингвистической науки не существует единой теории модальности и общей классификации входящих в нее фактов.

Придерживаясь семантико-функционального подхода к интерпретации модальности, основанного такими учеными, как В. В. Виноградов [1975], Г. В. Колшанский [1961], И. И. Мещанинов [1982], Ф. Брюно, Ш. Балли, можно определить модальность как «понятийную категорию со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности» [Ахманова 1969: 237].

Категория модальности, выражающая различные отношения между говорящим лицом, содержанием высказывания и действительностью, представляет объект изучения нескольких смежных наук: логики, философии, лингвистики.

Модальность необходимости, составляющая один из аспектов более общей категории модальности, рассматривается в данной работе в рамках функционального ономаσιологического подхода. Задачей его является «разработка динамического аспекта функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных уровней языка, участвующими в выражении смысла высказывания» [Бондарко 1984: 4]. В лингвистических концепциях модальность необходимости, утратив свое первоначальное логическое понимание, обозначает отношения, устанавливаемые между субъектом и содержанием высказывания, которое мыслится как необходимое под влиянием разнообразных факторов: социальных норм, обстоятельств, жизненных законов и др. [Бондарко 1990: 142–144].

Концептуальное значение необходимости как неизбежность, обязательность реализации какого-либо действия, обусловленные внешними причинами, получает специфическое звучание в каждом конкретном высказывании. Этим объясняется обращение к ситуациям необходимости — неким типовым структурам, служащим актуализации модального значения необходимости [Бондарко 1984: 99–100]. Их анализ позволит определить разнообразие смысловых оттенков необходимости, а также осуществить субкатегоризацию ситуаций и языковых средств выражения данной модальности.

Из значений, которые даются понятию необходимости толковым словарем французского языка «Le Petit Robert» [1996], можно выделить значения необходимого условия, необходимости как следствия определенных условий, потребности.

1. Значение потребности

«Потребность» — одно из значений необходимости, которое образует отдельный семантический тип рассматриваемой модальности. В ситуациях данного вида сообщается о необходимости какого-либо действия или наличия какого-либо объекта, отвечающих потребности некоего субъекта. Структура ситуации потребности получает следующее схематическое выражение:

Il est N que p pour Sb, где N — необходимо, p — объект модальной оценки необходимости, Sb — субъект, испытывающий потребность в чем-либо.

Данная структура может быть подвергнута следующей трансформации:

Sb a besoin que p / Sb ne peut pas se passer de p.

Например: Mais eux savaient ce qu'ils faisaient. Et cela, c'était besoin chez Jacques de se désennuyer, de lui faire payer l'audace qu'elle avait eue chez Barque l'autre soir (M. Duras) → Jacques ne pouvait pas se passer de cette vengeance.

Объединенные в одну группу общим модальным значением, ситуации потребности не тождественны друг другу. Различия между ними определяются их структурными и содержательными особенностями. Таким образом, внутри изучаемого типа необходимости можно провести дальнейшую дифференциацию ситуаций по следующим критериям: 1) вид каузатора; 2) распределение функций модальной оценки и субъекта потребности среди участников общения; 3) степень необходимости; 4) видо-временные характеристики ситуаций; 5) прагматические значения ситуаций [Бондарко 1990: 151–155].

1.1. Вид каузатора

Факторы, порождающие потребность субъекта в чем-либо и занимающие место каузатора в ситуации необходимости, могут иметь разнообразный характер. В зависимости от вида каузатора, ситуации образуют несколько подгрупп.

1) Определенное стечение не зависимых от субъекта обстоятельств: *La femme*: Il y aura fort à faire. *Nasty*: C'est pour cela que le Seigneur a besoin de ton aide (J.-P. Sartre).

2) Личные свойства, качества субъекта потребности: *Stépan*: Je souhaite que Yanek vive. Nous avons besoin d'hommes comme lui (A. Camus).

3) Состояние (моральное и физическое) субъекта потребности, его поведение: *Goetz*: Hilda, j'ai besoin qu'on me juge. Tous les jours, à toutes les heures, je me condamne, mais je n'arrive pas à me convaincre parce que je me connais trop pour me faire confiance. Je ne vois plus mon âme

parce que j'ai le nez dessus: il faut que quelqu'un me prête ses yeux (J.-P. Sartre).

4) Нормы поведения, моральные императивы: Il y avait dans sa voix un besoin infini de savoir. Ce n'était pas de la curiosité. Elle voulait savoir les raisons de tant de crimes pour qu'elle pût les pardonner (J. Kessel).

5) Жизненные законы, законы природы: *Dora*: Non, il faut bien une fois au moins laisser parler son cœur (A. Camus).

6) Личные интересы, вкусы, пристрастия: *Goetz*: J'ai besoin d'être parmi vous. Je veux être un homme parmi les hommes (J.-P. Sartre).

Значение «потребности» может обладать разным уровнем объективности, который определяется спецификой каузатора. Ситуации, где потребность обусловлена такими внешними причинами, как социальные и моральные нормы, обстоятельства, лучше отражают основное значение необходимости (1–5). Ситуации, указывающие на личные предпочтения, волю субъекта, занимают периферийное положение (6).

Каузатор может оставаться имплицитным и определяться из контекста или же быть выраженным при помощи придаточных, независимых предложений, причастных и деепричастных оборотов, обстоятельств и косвенных дополнений.

1.2. Распределение функций субъекта модальной оценки и субъекта потребности между участниками ситуации общения

Ситуации потребности могут быть разделены на несколько групп в зависимости от распределения и значения их субъектов.

1) Функции модальной оценки и субъекта потребности выполняет один и тот же участник ситуации общения.

а) Этим участником является субъект речи, сообщающий о своих потребностях; данный субъект соответственно обладает конкретным значением и передается формами личных местоимений *je/me* в зависимости от используемых конструкций и лексических единиц. Ср.: *Marius*: Fanny, il faut que j e fasse une course très urgente, très importante (M. Pagnol).

б) Субъект потребности, также несущий конкретный характер, может обобщать группу конкретных лиц — субъектов потребности, включающую в себя и субъекта речи: *Castel-Bénac*: Il n o u s faut quelqu'un qui fasse à la manière d'avant-guerre des affaires d'après-guerre (M. Pagnol).

2) Функции оценки и потребности распределены между разными участниками общения.

а) Оба обозначенных субъекта являются конкретными по своему значению. Выражения данного типа содержат личные местоимения, обозначающие лицо, нуждающееся в чем-либо: *te, il, lui, vous*. Ср.: *Angèle*: Qu'est-ce qu'il m e faut, alors? *Saturnin*: Un Monsieur qui a le col tous les

jours, avec sa cravate à ressort. Un Monsieur qui a les souliers ici, tu sais? Enfin, un Monsieur de la ville (M. Pagnol).

б) Данную подгруппу образуют высказывания, в которых субъект потребности, отличный от субъекта модальной оценки, представлен не конкретным лицом; он может обладать обобщающим характером, что передается соответствующими средствами. Ср.: Oh! Sans doute, c'étaient quelques années plus tard et les temps n'étaient plus les mêmes. Messieurs les honnêtes gens avaient besoin du banditisme et du meurtre pour les protéger (J. Kessel).

в) Субъект потребности может нести неопределенно-личностное значение и быть по-разному выраженным; в следующем примере субъект потребности имплицитен, его место занимает неодушевленное существительное l'Irlande, обозначающее жителей страны. Ср.: Il fallait une trêve à l'Irlande épuisée et il y avait plus de courage à défendre la paix de Collins que la chimère de Valera (J. Kessel).

Обобщающей характеристикой двух выделенных групп ситуаций необходимости является наличие субъекта, испытывающего необходимость в существовании какого-либо предмета, присутствии какого-либо лица или осуществлении какого-либо действия. Данный субъект обладает конкретным значением в большинстве случаев; исключения составляют высказывания, входящие в подгруппы 2б, 2в и содержащие субъектов потребности обобщающего или неопределенного значения.

1.3. Степень необходимости

Модальное значение необходимости может принимать разные степени интенсивности, которые на формальном уровне передаются различными языковыми средствами и их комбинациями.

1) Повышенная степень необходимости.

Необходимость в своем акцентированном, более интенсивном значении, передается при помощи различных средств: лексических, синтаксических, морфологических.

а) Употребление лексических единиц, которые более ярко и полно выражают данное модальное значение: Si, comme j'en ai le sentiment, à divers signes — le besoin de revenir sur les lignes écrites, l'impossibilité d'entreprendre autre chose — je suis en train de commencer un livre, j'ai pris le risque d'avoir tout révélé d'emblée (A. Ernaux).

б) Комбинация глаголов с модальным значением с другими лексическими средствами, усиливающими значение необходимости (существительные, прилагательные, наречия): *Suzu*: Et puis, il faut rester auprès de moi. J'ai tant besoin de vous (M. Pagnol).

в) Особые синтаксические конструкции, повторение глагола с модальным значением или дублирование одного глагола другим глаголом, существительным, выражающим необходимость: *Annenkov*: Il faudra

essayer de fuir. L'organisation a besoin de toi, tu dois te préserver (A. Camus).

2) Средняя степень необходимости

Умеренное значение потребности встречается в высказываниях, содержащих такие распространенные лексические и лексико-аналитические языковые средства, как безличный глагол falloir; конструкции с существительным le besoin; повелительное наклонение его эквиваленты в сочетании со специальными средствами контекста: S'il lui prit par ce matin de mai l'envie d'y revenir, ce fut parce qu'elle éprouvait le besoin de se remettre de cette histoire (M. Duras).

3) Низкая степень необходимости

Потребность, выраженная в умеренной форме пожелания, занимает в поле необходимости положение, удаленное от центра. Формы условного наклонения способны передавать «смягченный» характер необходимости: Louis: Ce qu'il me faudrait, tu vois, c'est une femelle dans le genre de celle de la voiture (M. Pagnol).

1.4. Видо-временные характеристики ситуаций потребности

Высказывания изучаемого типа могут соотноситься с определенными ситуациями действительности, следовательно, обладают конкретными временными и видовыми признаками.

Абстрактный характер ситуаций потребности, состоящий в невозможности соотнести их с конкретной ситуацией, возможен, если в качестве каузатора выступают некие закономерности существования, мира.

В ситуациях потребности, обладающих конкретным значением, отношение необходимого действия к моменту речи или времени повествования может принимать значение одновременности, предшествования или предстояния.

Каждая группа высказываний, выделяемая на основе временного критерия, обладает некоторыми формальными отличительными признаками.

1) Отношение предстояния.

Потребность в осуществлении какого-либо действия в ближнем или дальнем будущем относительно момента речи или времени повествования представляет распространенное модальное значение анализируемых высказываний. Глагол или глагольная конструкция, несущая модальное значение, стоит в форме настоящего времени, если точкой отсчета является актуальный момент речи, или прошедшего незаконченного (imparfait), если точка отсчета находится в прошлом. Ср.: Suzy: Il faut pourtant en sortir; voyons! Il ne doit pas être difficile de trouver quelqu'un (M. Pagnol).

Также значение предстояния передается формами будущего времени (futur simple, futur dans le passé); дополнительными лексическими средствами в сочетании с настоящим временем или прошедшим: незаконченным (imparfait): Suzy: Il me faut cent cinquante balles avant le quinze (M. Pagnol).

В случае, когда в структуре высказывания за модальным глаголом (конструкцией) следует инфинитив, выражающий необходимое действие, последний часто обладает предельным значением: *rester, trouver, mettre fin, faire, sortir, construire, se rouler, perdre, revenir, se remettre*, etc. Данная особенность проявляется при условии однократности этого действия.

2) Отношение одновременности.

Одновременность ситуации необходимости с моментом речи находит (или другой точкой отсчета во времени) выражение во временных формах, которые встречаются также в первой группе: *présent, imparfait*.

Данные высказывания обладают следующими признаками:

– глаголы неопределенного значения, выражающие необходимое действие: *avoir, posséder, boire, se passer*, etc.: *Même l'alcool ne le réjouissait pas. Il buvait par habitude, par nécessité, mais sans plaisir* (J. Kessel).

– повторяемость, неоднократность действия или его длительный характер; данное видовое значение подчеркивается как специальными временными формами (*présent, imparfait*), так и обстоятельствами времени (*de plus en plus, chaque année, aujourd'hui, encore*, etc): *Les billets obtenus à force de serments, de supplications, représentaient de plus en plus pour Muriel le nécessaire: des bas <...>, le loyer, ou de quoi dégager un bijou qu'elle tient «de famille»* (M. Duras); *Goetz: Mais je vous dis aujourd'hui que j'ai besoin de vous et si vous me repoussez vous serez injuste, car il est injuste de chasser les mendiants* (J.-P. Sartre).

Потребность, содержащаяся в данных высказываниях, носит постоянный характер. Осуществление действия, в котором испытывается потребность, не может быть единичным, так как не ведет к исчезновению оной.

3) Отношения предшествования.

О значении предшествования можно говорить, если речь идет об уже свершившихся или, наоборот, нереализованных событиях.

Ситуация, в которой потребность предстает моменту речи или времени повествования, может носить как единичный *J'ai senti aux creux de la poitrine une barre douloureuse qui peu à peu se fondait, et, dans la gorge, un malaise nerveux dont il fallait que je fusse débarrassé à tout prix* (J. Kessel), так и длительный или кратный характер: *Panisse: Et avec ça, dans l'intimité, elle était gaie et riieuse... Il lui fallait tout le temps des taquineries et des jeux* (M. Pagnol). Такие видовые значения передаются благодаря значению основного глагола; обстоятельству времени или образу действия; временным формам модального глагола.

1.5. Прагматические значения

Выражение необходимости определенного «порядка вещей» для какого-либо лица часто носит характер констатации, сообщения о данной потребности.

Группа высказываний с таким прагматическим содержанием пополняется за счет предложений, где четко не определена позиция говорящего и

слушающего, т. е. невозможно определить иные намерения автора высказывания, кроме констатации какого-либо факта.

Однако, ситуации необходимости с конкретным субъектом речи также могут служить информированию собеседника о потребности субъекта речи или другого субъекта: *Hilda*: C'est plutôt parce que moi, j'ai besoin d'eux (J.-P. Sartre).

Присутствие в структуре ситуации необходимости конкретных субъектов общения дает возможность выразить иные прагматические значения, определяемые в каждой конкретной ситуации общения. В частности, значение потребности может соотноситься с выражением требования или просьбы: *Ernestine*: Il me les faut [les copies] pour demain matin (M. Pagnol).

В данных высказываниях модальный глагол легко заменяется на императивные формы: *donnez-moi, apportez-moi...*

При вопросительной форме предложения, значение потребности может сопровождать значение возмущения или удивления: *Honorine*: Alors, parce qu'il est beau, il lui faut la fille de Rotchilde? (M. Pagnol).

2. Средства выражения модального значения потребности

Модальность потребности получает свое выражение при помощи лингвистических средств разных уровней системы французского языка: лексического, морфологического, синтаксического уровней. Недостаточное многообразие средств компенсируется возможностью различных синтагматических связей между ними.

1) Лексические средства (модальные лексемы).

а) безличный глагол *falloir*, выступающий в конструкциях с придаточным дополнительным (*il faut + que à qqn*), с инфинитивным дополнением (*il faut + infinitif à qqn*), с именным дополнением (*il faut + substantif à qqn*);

б) существительным *besoin*, имеющим специализированное употребление, в конструкциях *avoir besoin de + subst. / inf.*, *éprouver le besoin de + inf.*; конструкции с существительным/прилагательным (*le*) *nécessaire*;

г) отрицательная форма глагола *pouvoir* и следующий за ним смысловой глагол, антонимичный глаголу, выражающему необходимое действие.

2) Морфологические и синтаксические средства.

Данные единицы представляют собой лишь вспомогательные средства при передаче значения необходимости, где главную роль играют модальные лексемы. Однако некоторые конструкции, содержащие формы изъявительного, повелительного наклонений смысловых глаголов, способны передавать идею необходимости; в подобных высказываниях часто нужно обращаться к контексту.

3. Выводы

Ситуации, выражающие значение потребности, следует отнести к отдельному семантическому типу модальности необходимости с возможностью дальнейшей субкатегоризации.

Эталоном данного вида является ситуация, в которой некое действие или положение вещей признается необходимым для удовлетворения потребности некоего субъекта. На структурном уровне подобные ситуации характеризуются эксплицитным (реже имплицитным) наличием субъекта потребности, конкретному по значению.

Среди используемых лингвистических средств особое положение занимают конструкции с глаголом *falloir* и существительным *le besoin* с последующим именным дополнением. Если безличный глагол *falloir* имеет очень широкий спектр употребления и применяется при всех типах необходимости, то значение *besoin* менее полисемично и характеризует данный тип необходимости. Модальный глагол *devoir* нетипичен для данных ситуаций необходимости.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969
 Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
 Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Л., 1990.
 Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М., 1975.
 Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1.
 Мещанинов И. И. Глагол. Л., 1982.
Le Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française sous la direction de J. Rey-Debove et A. Rey. Paris, 1996.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ПРОПОЗИТИВНЫХ НОМИНАНТОВ

(на материале французского языка)

Н. Д. Кручинкина (Саранск)

Вся специфика функциональной грамматики, как отмечает А. В. Бондарко, во всей полноте ее признаков проявляется в подходе «от семантики к грамматике» [Бондарко 1999: 15]. Подход «от семантики», в интерпретации А. В. Бондарко, включает в себе предваряющее знание результатов традиционного описания «от формы». А. Рей, анализируя принципиальную основу теории грамматики Ж. Дамурета и Э. Пишона — от слов к мысли («Des mots à la pensée») — указывает, что эти известные граммати-

сты тем не менее изначальной операцией считали путь от мысли к языку [Rey 1969: 12].

Семантика, означаемое знака, предваряющая в онтологии языка грамматику, должна быть синтаксичной, то есть грамматически релевантной через посредство означающего знака. Выявление регулярного характера этой связи позволило выделить структурную семантику и послужило началом описания значений на объективной основе. Структурированный характер семантики отмечается и в функциональной грамматике: семантика, исследуемая в функциональной грамматике, всегда «потенциально грамматична» [Бондарко 1999: 16].

О функциональном характере семантики можно говорить, исходя из утверждений Э. Бенвениста о взаимоотношениях языковых единиц разных уровней. Лингвист считает, что всякая единица вышестоящего уровня является функцией единицы нижестоящего уровня [Бенвенист 1965: 434–449]. При узком понимании терминов «грамматика» и «семантика», в рамках уровневой интерпретации языка, именно эта идея Э. Бенвениста может быть представлена как аргументирующая функциональный характер лингвистической семантики.

Функциональной может быть названа интерпретация релятивных семантических понятий синтагматической семантики словосочетания: актантов и сирконстантов, семантических падежей, так как определение семантической природы актанта или сирконстанта, определение семантического падежа связано с их семантической значимостью в синтагматической микросистеме отношений внутри словосочетаний.

Пропозитивные знаки, сложные по своей синтагматической природе образования, именуемые типовые (категориальные — в терминологии функциональной грамматики) ситуации экстралингвистической действительности, в качестве семантических составляющих содержат ролевые компоненты: агент действия, объект действия, место действия, направление действия и т. п.

В зависимости от количества действующих или взаимодействующих субстанций и их ролевых отношений выявляются различные пропозитивные категории. Анализ и категоризация именуемых пропозитивных знаков, проводящиеся в рамках ономаσιологической стратегии, сближают функциональную грамматику и ономаσιологическую семантику. Ономаσιологическая ориентация описания пропозитивных знаков позволяет проводить категоризацию пропозитивных номинантов на базе того же базового принципа, которым руководствуется функциональная грамматика: ономаσιологическая стратегия также предполагает концептивный подход — «от семантики», т. е. от содержания категориальных ситуаций к языковым формам их выражения.

Сам по себе путь с исходным семантическим анализом понятийных категорий характеризуется функциональностью подхода при выявлении парадигм средств выражения типового содержания. При таком подходе ис-

следователь занимается выявлением более сложных средств категоризации, связанных не только с одноуровневыми формами, но и с взаимодействием разноуровневых форм.

Наиболее синтаксичные пропозитивные знаковые образования, в нашем представлении, — трехместные предикатные структуры с категориальными значениями адресации (*La mère donne un bonbon à sa fille*) и локации (*La femme met la clé sous la porte*). Каждое из категориальных значений пропозитивных номинантов воспроизводит свою функциональную (релятивную) структуру типовых ситуаций. Функциональный характер компонентов пропозитивных номинантов находится в зависимости от синтагматической микросистемы взаимодействующих компонентов и их лексико-семантической и лексико-грамматической природы: ср.: 1) *L'enfant donne le cahier à sa mère* (категория адресации); 2) *L'enfant met le cahier dans son sac* (категория локации).

Идентичные лексические составляющие в этих двух разной семантико-грамматической категориальной природы номинантах выполняют идентичные семантические и синтаксические функции: соответственно, агента действия (*L'enfant*) — подлежащего и объекта действия — прямого дополнения (*le cahier*). Это объясняется их функциональной позицией в трехместных функциональных предикатных структурах, а также тем, что каждый из номинантов в рамках более высокого уровня категоризации входит в состав функционально-семантического поля каузации. Общий сегмент типовой ситуации — *к а у з а ц и я* — и определил общность части их семантических функций в двух номинантах.

Однако каждый из этих конститuentов участвует в номинациях разновидности каузативных действий. В первом случае речь идет об означивании семантической структуры '*к а у з и р о в а т ь и м е т ь*' типовой ситуации адресации, во втором — об означивании семантической структуры '*к а у з и р о в а т ь б ы т ь*' типовой ситуации локации. Поэтому при общности классифицирующего компонента '*к а у з и р о в а т ь*' существует различие дифференциальных значений каузации ('иметь, быть'). Так, в первом предложении конститuent *l'enfant* является агентом действия адресации (*а д р е с а н т о м*), во втором — агентом действия локации (*л о к а л и з а н т о м*). Объект действия *le cahier* в первом предложении выполняет роль объекта действия *а д р е с а ц и и*, во втором — *л о к а ц и и*.

Различие в значимости первого и второго функциональных семантических конститuentов в выше названных номинантах связано с функциональным различием третьего семантического компонента. В первом пропозитивном номинанте конститuent *à sa mère* является адресатом, во втором конститuent *dans son sac* — *л о к а т и в о м*. Эти дифференциальные функциональные составляющие и способствуют видовой дифференциации значений агентивности и объектности.

В зависимости от ролевого статуса конститuentов *à sa mère* и *dans son sac* релятивная глагольная лексема в первом случае выражена лексемой

donne с парадигматическим значением а д р е с а ц и и , во втором — лексемой met с парадигматическим значением л о к а ц и и .

Различие в функциональной семантике субстантивных компонентов двух выше названных пропозитивных синтагм актуализировано синтаксически разными членами предложения. Синтаксическая разнофункциональность, в свою очередь, оформляется в первой синтагме антропонимичностью имени mège, во второй — неантропонимичностью имени sas и его лексико-семантическим значением емкости.

При функциональном подходе в число вариантных средств выражения категориальных значений пропозитивных номинантов включаются: 1) синтаксическая вариантность — изменение позиционной структуры компонентов (пропозитивная конверсия), внутривопозитивная редукция одного или нескольких конститuentов при их вынесении в макроконтекст, экстралингвистическую стандартную ситуацию; 2) морфологическая вариантность — инкорпорация конститuentов; 3) синтагматическая вариантность с семантической транспозицией одного или нескольких конститuentов (метафоризацией, метонимизацией); 3) усложненная вариантность — с комбинацией разноуровневых средств выражения вариативности.

Таким образом, функциональная грамматика и функциональная семантика имеют одну исходную стратегию и много сходных черт в ее актуализации.

Литература

- Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. Вып. 4. М., 1965.
- Бондарко А. В.* Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб, 1999.
- Rey A.* La sémantique // Langue française. 1969. № 4.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОМПАРАТИВНЫХ СТРУКТУР В ИНТЕНСИФИЦИРОВАННОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ (на материале французского языка)

В. С. Неверова (Нижний Новгород)

Компаративные структуры делятся на два вида: предметно-логические и образные. Предметно-логические компаративные обороты употребляются с целью установления соответствия в каком-либо отношении для более полного раскрытия мысли: Paul est aussi grand que Pierre.

Главное назначение образных сравнений заключается не в констатации сходства, а в передаче новой информации об объекте реальной действи-

тельности, выражении нового его качества: *Elle a beau dépenser tout ce qu'elle veut, elle est fagotée comme quatre sous !* (G. Simenon).

Отличительной чертой образного сравнения является тот факт, что его характеризующий компонент выступает в своем сигнификативном аспекте, т. е. является носителем определенного понятия и, как таковой, отражает наиболее существенные признаки целого класса предметов (*fagotée comme quatre sous*).

В плане содержания особенностью сравнения является выражение не тождества заведомо нетождественного, а лишь подобия далеких понятий: *Allons, Denise, ne reste pas plantée comme un piquet !* (B. Clavel).

Не вдаваясь в подробности анализа структуры и семантических изменений сравнительных конструкций, необходимо отметить, что в составе целостной компаративной конструкции выделяются три основных элемента: первый элемент — субъект сравнения, то, что подвергается сравнению; второй элемент — объект, с которым сравнивается первый элемент; третий — общий признак сравниваемых предметов, основание сравнения.

Образность характеризует компаративную структуру с качественной стороны. С количественной точки зрения компаративная конструкция характеризуется интенсифицирующим значением. Однако не все образные сравнения могут выражать интенсивность признака. К числу факторов, детерминирующих значение интенсивности компаративных структур в высказывании, относятся следующие:

1. Соотнесенность категории интенсивности с понятием градуальности. Говорить об интенсивности можно лишь тогда, когда возможна градация данного качества, т. е. компаративная структура может выражать интенсивность только градуируемых признаков: *Il n'avait que cinquante mètres à parcourir pour apercevoir le gendarme campé à l'angle de la falaise, tournant le dos à la ville, immobile comme une sentinelle* (G. Simenon); *Le berger était couché dans l'herbe, et il jouait de la guitare. Tranquille et joyeux comme un chômeur de profession* (M. Pagnol).

В приведенных компаративных конструкциях сравнению подвергаются физические характеристики (*immobile*) и эмоциональные качества (*tranquille, joyeux*), относящиеся к градуируемым признакам.

2. Характеризующий компонент сравнения должен выступать как эталон приписываемого субъекту качества или признака, каковым он становится в результате коллективного опыта, обобщений и длительного отбора: см. приведенные выше примеры, а также *malade comme un chien, soûl comme un âne, bête comme chou* и др.

3. Исходя из того, что объект сравнения является символом, эталоном определенного качества, субъект сравнения уподобляется более сильному проявлению данного качества. Такое объективное неравенство признаков имплицитно интенсифицирует более слабого из них.

4. Сравнительный оборот должен быть коррелятом интенсифицирующих наречий. Следует отметить, что значение компаративной конструкции

не всегда однозначно передается наречием-интенсификатором: если легко перефразировать *comme un fer rouge = extrêmement chaud*, то значение сравнения *comme l'enfant qui vient de naître* не означает «très innocent». Интенсифицирующее значение такого сравнения выявляется, например, на фоне других значений: прилагательное *innocent* допускает градуальность как степень оценки этого качества обществом: «plus ou moins innocent».

5. Интенсивность компаративной конструкции обеспечивается своеобразным имплицитным повтором признака: один раз признак называется эксплицитно в основании сравнения, а сравнительный оборот его имплицитно еще раз: *La plaine est plate comme une toile cirée* (G. Arnaud).

6. Значение интенсивности проявляется в употреблении в сравнительных конструкциях наречий количества *ainsi que, autant que, (pas) plus que*, которые выступают грамматическим показателем — средством интенсификации на уровне речи: *Ils sont encore plus redoutable que la sangria!* (H. G. Kosalik).

Только сочетание перечисленных компонентов определяет усилительное значение сравнительных структур: *L'hôtesse manipula les boutons d'un tableau et la pièce s'éclaira, grise et triste comme le salon d'un dentiste, avec les mêmes revues sur la table* (G. Simenon).

Качества, подвергающиеся сравнению: *grise, triste*, — относятся к ряду градуируемых признаков — цвет и эмоциональное состояние. Характеризующий компонент сравнения является эталоном сравниваемых качеств: в результате коллективного опыта кабинет дантиста, точнее словосочетание, его обозначающее, содержит в своем значении соответствующие семы. Следовательно, характеристики предмета уподобляются более сильному проявлению данных качеств, что ведет к интенсификации более слабых. Сравнительная конструкция *grise et triste comme le salon d'un dentiste* эквивалентна по значению сочетанию прилагательных с наречиями-интенсификаторами: «tout à fait grise et très triste». Характеризующий компонент сравнения имплицитно повторяет признаки, эксплицитно представленные соответствующими прилагательными. Следовательно, наличие комплекса признаков интенсивной компаративной структуры обуславливает интенсифицирующий характер анализируемой сравнительной конструкции.

В отличие от предыдущего высказывания следующее предложение не содержит компаративную структуру со значением интенсивности: *Il se tourna vers la porte ouverte et vit la barque bleue et la brune suspendues dans un pan de mer lisse comme le ciel* (G. Simenon).

Качество, обозначаемое прилагательным *lisse*, относится к градуируемым признакам. Однако характеризующий компонент, представленный существительным *le ciel*, не является эталонным носителем сравниваемого качества, поэтому отсутствует неравенство признака, содержащегося в объекте сравнения и характеризующем компоненте. Следовательно, ана-

лизируемая компаративная структура не отражает интенсивность признака.

Анализ компаративных структур показывает, что относящиеся к ним образные сравнения типа *blanc comme la neige* характеризуются ослабленной эмоциональностью. Такие сравнительные конструкции в целом выражают интенсивность признака с едва ощутимой экспрессивной окрашенностью. Авторские сравнения отличает более яркая экспрессивность, поскольку эталон сравнения сохраняет свой конкретный образ (ср. *redoutable comme la sangria; tranquille et joyeux comme un chômeur de profession*). Очевидно, главным значением в них выступает не понятие интенсивности качества, а ее эмоционально-экспрессивная оценка.

Итак, интенсифицирующее значение компаративных структур обусловлено градуируемым характером признака, представленного прилагательным или существительным, а также эталонным характером объекта сравнения.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. Е. Абросимова (Нижний Новгород)

В предлагаемой работе представлены результаты исследования разноуровневых средств выражения посессивных отношений во французском языке.

Категория посессивности, являясь одной из разновидностей более общей категории реляционности, представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания и принадлежности. Основанием для выделения понятийной категории посессивности является то, что она отражает реально существующие связи между предметами внешнего мира, выявляемые нашим сознанием. Эти закономерности находят отражение в языке, что делает возможным лингвистическое исследование посессивности, несмотря на отсутствие специальных грамматических средств ее выражения.

Чаще всего в качестве маркеров посессивных отношений во французском языке рассматриваются притяжательные детерминативы, предлог *de* и глагол *avoir*, являющиеся универсальными показателями посессивности [Васильченко 1991 : 8]. Признается наличие посессивного значения у ряда глаголов (*posséder, donner*), прилагательных со значением «имеющий что-либо» (*bossu*) [Степанян 1976 : 77], конструкций с предлогом *à* (*une maison à moi*) или конструкций вида *Elle a levé la main* [Langacker 1968 : 51].

Исследование посессивности как функционально-семантической категории подразумевает прежде всего определение собственно посессивности и отграничения ее от отношений других типов. Анализ представления этих

отношений средствами французского языка позволяет очертить границы семантической категории посессивности. Посессивность определяется как иерархическое отношение между двумя сущностями, проявляющееся в их пространственной и временной взаимосвязанности.

В качестве элементов ФСК в данной работе рассматриваются конструкции, состоящие в наиболее общем случае из трех элементов: субъекта (S) посессивных отношений, объекта (O) и маркера (R). При этом в качестве посессивных рассматриваются также конструкции, выражающие посессивное значение в сочетании с другими значениями.

Различение временных и постоянных (невременных) посессивных отношений позволяет выделить отношение неотчуждаемой посессивности как разновидность посессивных отношений. Неотчуждаемая посессивность может быть как конкретной (партитивные отношения), так и абстрактной (характеризующие отношения). Конкретная неотчуждаемая посессивность подразумевает наличие постоянных пространственных отношений субъекта и объекта, т. е. возможность локализации объекта относительно субъекта или его частей в любой момент времени. Конкретная отчуждаемая посессивность подразумевает возможность локализации некоторых объектов относительно субъекта в определенные моменты времени. При этом подразумевается, что сам субъект всегда может быть локализован относительно других предметов. Посессивные отношения субъекта с абстрактной (нелокализуемой) сущностью в качестве объекта можно для определенности считать неотчуждаемыми. При этом отношение субъекта и абстрактного объекта, характеризующего субъект, признается посессивным, если это отношение существует во временных пределах, превышающих длительность описываемой ситуации.

Возможность локализации субъекта может быть сформулирована в терминах Ж. Клебера, который использует для объяснения некоторых языковых явлений, связанных с неотчуждаемой принадлежностью, так называемые онтологические характеристики предмета (или иной сущности): M (matière) = вещество, F (forme) = форма, A (animé) = интенциональный компонент, присущий одушевленным сущностям [Kleiber 1999 : 88]. Для того, чтобы быть локализованным в пространстве и, следовательно, допускать локализацию объектов, субъект должен обладать по меньшей мере характеристиками M и F.

Возможность локализации объекта относительно субъекта вообще или в данной ситуации определяет разбиение всего многообразия посессивных отношений на группы: по обязательности локализации объекта — на отчуждаемые и неотчуждаемые посессивные отношения, по возможности локализации объекта — на конкретные и абстрактные посессивные отношения.

Иерархический характер посессивных отношений означает, что субъект посессивных отношений является в общем случае более высокооргани-

зованной сущностью, чем объект, обладая бóльшим числом онтологических характеристик: так, субъект, обладающий тремя характеристиками (M, F, A), может обладать объектами, имеющими такое же или меньшее количество характеристик. Количество онтологических характеристик объекта, соответствующее возможности локализации, также позволяет разграничить две разновидности посессивности: конкретную (объект обладает двумя или более характеристиками) и абстрактную (число характеристик объекта равно нулю).

Представление о посессивности как иерархическом отношении приводит к выводу о непосессивном характере отношений родства и, по аналогии, других социальных отношений (т. е. отношений между равноправными в смысле числа онтологических характеристик) субъектом и объектом, поскольку при таких отношениях невозможно определить, какая из участвующих в ситуации сущностей является субъектом, а какая — объектом.

Представляется целесообразным различать два аспекта посессивных отношений — обладание и принадлежность. Обладание при этом понимается как отношение субъекта к объекту, а принадлежность — как отношение объекта к субъекту. Наличие посессивных отношений между субъектом и объектом подразумевает оба аспекта; посессивные отношения могут быть представлены как обладание или как принадлежность в зависимости от употребленной конструкции. Ориентация (коммуникативная направленность) посессивных конструкций может быть определена путем трансформации данной конструкции в одну из базовых посессивных конструкций с глаголами *avoir* или *être à*, первый из которых маркирует обладание, а второй — принадлежность:

une maison à moi ← *une maison (qui) est à moi*

un homme courageux ← *un homme (qui) a du courage.*

При отсутствии эксплицитного элемента, маркирующего отношение, ориентация не определена.

Таким образом, посессивное отношение между двумя сущностями — субъектом и объектом — может быть отнесено к одному из трех основных семантических типов: отчуждаемое конкретное (отношение обладателя и вещи), неотчуждаемое конкретное (отношение целого и части), неотчуждаемое абстрактное (отношение носителя качества и качества). Способ языкового представления посессивного отношения, т. е. посессивная конструкция, определяет данное отношение как обладание или принадлежность.

Все многообразие языковых представлений посессивных отношений можно условно разбить на три группы. Посессивные отношения выражены синтаксически, если элемент, обозначающий отношение (маркер), является автономной языковой единицей, не имеющий лексического значения «обладание / принадлежность», или если такой элемент отсутствует, но сама синтаксическая структура конструкции указывает на наличие посессивных отношений между сущностями. При наличии в позиции марке-

ра лексемы с посессивным значением считается, что посессивные отношения выражены лексическим способом. Если же маркером посессивного отношения служит словообразовательная морфема, имеет место словообразовательный способ представления посессивных отношений. Соответственно способам языкового представления посессивности можно выделить следующие микрополя в системе средств выражения посессивных отношений: 1) микрополе посессивных конструкций с синтаксическим маркером; 2) микрополе посессивных конструкций с лексическим маркером; 3) микрополе посессивных конструкций со словообразовательным маркером. Аналитический строй французского языка объясняет максимальную продуктивность синтаксических средств выражения посессивных отношений и, соответственно, малую продуктивность словообразовательных средств.

Синтаксические средства выражения посессивных отношений представлены на всех уровнях синтаксиса: от именной синтагмы с притяжательным детерминативом и биномиальной предложной конструкции до сверхфразового единства (текста). Можно выделить следующие виды синтаксических посессивных конструкций:

а) Маркированные конструкции:

– именная группа S... *mon / ton / son...* O, ориентированная на принадлежность: *mon veston, ta main, sa voix*;

– конструкция с автономным посессивом: *A force de me parler de pieds, Ursula finit par me faire regarder les siens* (P. Daninos);

– биномиальные конструкции вида S *à / avec / en / de* O, ориентированные на обладание, и O *de / à* S, ориентированные на принадлежность: *la bibliothèque du directeur, une femme à cheveux gris, un homme d'un courage exceptionnel, une maison à moi, un Anglais en veste de tweed, un petit bonhomme avec de grands yeux*;

– предикативные конструкции, посессивные отношения в которых маркированы теми же предлогами, за исключением *à*: *Je traînais avec un ballon sous le bras dans des cours de récréation désertes...* (S. Japrisot); *Malade déjà, elle est d'une nervosité excessive, perd parfois la mémoire* (F. Mallet-Joris); *Elle est en uniforme Mao, la mitraillette au poing...* (P. Gripari);

– конструкции S... *en* O в составе простого или сложного предложения: *Au moment de passer son veston, il en examina la manche gauche d'un air sérieux...* (M. Aymé);

– конструкции S... *dont* O в составе сложного предложения: *Il faisait plutôt penser... à un ancien joueur de rugby dont la musculature était en train de tourner en graisse sous l'influence de l'ennui, de l'oisiveté et de l'alcool* (P. Gripari);

б) немаркированные конструкции:

– простые предложения: *Balmont eut envie de lui prendre la main* (J. Mercanton);

– предложения, осложненные абсолютной конструкцией: *Sur le mur couleur de miel, des larmes immobiles, la bouche ouverte, buvaient le soleil* (M. Pagnol);

– фрагменты текста: *Sa bicyclette avait beaucoup vieilli, elle aussi... Les roses avaient perdu presque tous leurs rayons...* (M. Aymé).

Конструкции допредикативного уровня всегда маркированы, они могут употребляться с широким классом пар (S, O). Употребление немаркированных конструкций ограничивается случаями (S, O) при неотчуждаемом или ситуативно неотчуждаемом объекте. Немаркированные конструкции высшего синтаксического уровня (текст) более прочих связаны ограничениями на экстралингвистические свойства субъекта и объекта.

Биноминальные предложные конструкции представляют собой наиболее упорядоченную область системы синтаксических средств выражения посессивных отношений. Их функционирование характеризуется наличием оппозиций *à / de* по признаку ориентации на обладание или принадлежность и *à / avec / en* по характеру сопутствующего локативного значения конструкций с этими предлогами (нейтральное / соположение / включение). Предлог *de* маркирует принадлежность в конструкциях с любыми S и O, предлог *à* маркирует посессивно-локативные отношения для широкого класса пар (S, O). Возможности выражения обладания с помощью предлога *de* и принадлежности с помощью предлога *à* ограничены; выражение этих посессивных значений может считаться вторичной функцией данных предлогов.

Предикативные и биноминальные предложные конструкции с ориентацией на обладание противопоставляются по характеру представления субъекта (сингулярный терм / обобщенное наименование): *J'ai vu Ursula en robe de chambre / J'ai vu une femme en robe de chambre*.

Синтаксические конструкции с маркерами *son, de, dont / en* (относительное местоимение), ориентированные на принадлежность, образуют оппозицию по характеру объекта (*en* : неодушевленный / *son, de, dont* : одушевленность не маркирована) и по характеру синтаксических связей внутри конструкции (объект входит в группу сказуемого / подлежащего).

Анализ синтаксических посессивных конструкций выявляет ряд закономерностей их функционирования. Синтаксические средства выражения принадлежности универсальны; маркеры принадлежности *son, de, dont* употребляются в посессивных конструкциях с любыми субъектом и объектом. Маркеры обладания *à, avec, en* употребляются в посессивно-локативных конструкциях, *à* — в посессивно-характеризующих.

Лексические средства выражения посессивных отношений могут быть разделены на две группы по видовому признаку: лексемы, представляющие посессивную ситуацию статически, и лексемы, представляющие посессивную ситуацию динамически — в процессе ее возникновения или прекращения. Основными средствами лексического представления посессивных отношений являются глаголы. Конструкции со статическими по-

сессивными глаголами могут быть ориентированы на обладание или принадлежность путем трансформаций к конструкциям с их гиперонимами *avoir* или *être à*. Глагол *avoir* является единственным универсальным маркером обладания. Наиболее близок ему по свойствам глагол *posséder*, который также признается глаголом состояния [Бенвенист 1974 : 215]. Употребление этого глагола исключается только в конструкциях с объектом, обязательным для субъектов данного типа (например, S = homme, O = main, tête, voix). Прочие глаголы обладания (*tenir, garder, disposer de etc.*) могут маркировать только отчуждаемое конкретное обладание. Глагол *être à*, являясь конверсивом *avoir* в системе языка, не может тем не менее считаться универсальным маркером принадлежности, поскольку лишь отчуждаемая конкретная принадлежность может быть маркирована лексически.

Конструкции с динамическими посессивными глаголами не могут быть ориентированы вследствие более сложного состава участников ситуации. Динамические посессивные глаголы можно разделить на три группы: даяния, приобретения и лишения, различающиеся по количеству и функциям актантов посессивной ситуации. В ситуации приобретения и даяния один из участников совмещает две функции; ситуация лишения подразумевает в общем случае наличие трех участников ситуации:

Приобретение (<i>acheter, emprunter, obtenir</i>)	Лишение (<i>priver, déposséder</i>)	Даяние (<i>donner, offrir, vendre</i>)
донор агнс + адресат	донор агнс (адресат)	донор + агнс адресат

Возможности посессивных лексем представлять посессивные отношения в виде статичного состояния или в процессе их возникновения или прекращения, выражать различные оттенки отчуждаемого обладания, образовывать посессивные конструкции с расширенным составом актантов определяют особое место данных единиц в системе средств выражения посессивных отношений.

Посессивные отношения могут быть выражены с помощью словообразовательных морфем, присоединяемых к имени субъекта или объекта. Результатом словообразования может быть: 1) имя существительное (*châtelain, millionnaire, garagiste*); 2) имя прилагательное (*départemental, musclé, chevelu, maternel, vertueux*); 3) глагол (*aimer, encourager, édenter qqn*).

Употребление словообразовательных средств выражения посессивных отношений ограничено. Однако можно выявить ряд суффиксов, способных выражать в том числе отношения обладания (*cornu, rusé, talentueux = qui a des cornes, de la ruse, du talent*) или принадлежности (*communal, racinien = qui appartient / est à la commune, à Racine*). Общей чертой всех таких словообразовательных посессивных конструкций является нерасчлененность, т. е. совмещение в одной лексической единице функций двух или трех

элементов посессивной конструкции. Посессивная лексема, образованная от имени субъекта или объекта, объединяет понятие о самом субъекте или объекте, выраженное корнем, и понятие о характере отношений. В качестве словообразовательной посессивной конструкции рассматривается минимальное сочетание, включающее слово, производное от имени одного из участников посессивной ситуации аффиксальным способом, и имя второго участника посессивной ситуации. Участниками посессивной ситуации считаются субъект и объект посессивных отношений. Модель $N_1 N_2 + \text{suff}$ (существительное + суффиксальное прилагательное) может рассматриваться как основная вследствие ее большей распространенности и возможности определения ориентации. Посессивные отношения могут быть выражены

а) относительными прилагательными в силу предметной основы даваемой ими качественной характеристики; б) отсубстантивными качественными прилагательными, при условии, что выражаемое качество понимается как обладание абстрактной субстанцией в большей или меньшей степени.

Особыми свойствами характеризуется образование посессивных словообразовательных конструкций с недвижимым объектом. Такие имена объектов являются основой для образования одноэлементных субстантивных конструкций: *châtelain*, *aubergiste*. Глагольное словообразование с посессивным значением ограничивается динамическими посессивными глаголами со значением приобретения / даяния (*desargenter*, *doter*).

Доминантным средством выражения обладания является конструкция с глаголом *avoir*, а доминантными средствами выражения принадлежности — конструкция с притяжательным детерминативом (посессивом) и синонимичная ей с некоторыми ограничениями бинаминальная конструкция с предлогом *de*. Эти элементы являются наиболее специализированными для выражения данного значения, передают его наиболее однозначно, используются систематически. *Etre à*, конверсив глагола *avoir*, вследствие ограничений на его употребление, не может считаться ядерным элементом, так же как предлоги — «конверсивы» притяжательного детерминатива и предлога *de* относятся к периферийной зоне вследствие наличия у них дополнительного локативного значения и ограничений на их употребление. Безусловно относятся к периферийной зоне неориентируемые средства выражения посессивных отношений (конструкции с динамическими лексемами и немаркированные синтаксические конструкции).

Одной из основных особенностей строения категории посессивности, включающей набор средств, определенный принятой нами концепцией посессивных отношений, является *асимметрия*. Эта особенность проявляется в различном характере представления обладания и принадлежности: аспект обладания представлен большим количеством однотипных моделей конструкций, различающиеся дополнительными семантическими оттенками (это проявляется как в лексике, так и в синтаксисе, частично

даже в словообразовании), принадлежность представлена недифференцированно.

Сопоставление дополнительных значений маркеров, условий их употребления с различными парами сущностей (S, O) и структурных особенностей конструкций позволяет выяснить характер парадигматических отношений между различными посессивными конструкциями. Например, отмечается синонимия биномиальной конструкции вида S à O Attr и словообразовательной конструкции S O + u. Конструкции данного ряда выражают неотчуждаемое обладание и имеют одни и те же дополнительные значения — пространственные и характеризующие. Синонимичные конструкции S de O и S + Oeux / é обладают характеризующим значением. Конструкции S tient O, S = O + ier / iste / ain / aire могут выражать отчуждаемое обладание недвижимым объектом. Упомянутые серии синонимичных конструкций наиболее ярко иллюстрируют связь между группами разноуровневых средств выражения посессивных значений. Общим гиперонимом всех этих посессивных конструкций является конструкция S a O.

Двусторонний характер посессивности как языкового явления несколько осложняет классификацию посессивных языковых единиц. С одной стороны, поскольку обладание и принадлежность обладают независимыми наборами средств выражения, возможно представление категории посессивности в виде двух микрополей — обладания и принадлежности. С другой стороны, приходится признать, что обладание и принадлежность не являются *различными* посессивными отношениями; они представляют собой два представления одного и того же посессивного отношения с различных позиций (субъекта или объекта), различаясь не семантическими особенностями, а коммуникативной направленностью сообщения о наличии посессивных отношений. Семантика же посессивных отношений определяется в первую очередь свойствами субъекта и объекта и уточняется с помощью маркера. Правомерность выделения микрополей по формальному признаку подтверждается тем, что формальное деление средств на лексические, синтаксические и словообразовательные в целом соответствует их семантической классификации: лексические средства служат для выражения различных оттенков собственно посессивного значения, синтаксические средства описывают многообразие пространственных связей между субъектом и объектом, а словообразовательные всегда имеют ярко выраженный характеризующий компонент значения. Таким образом, структурные особенности конструкций отражают их семантические особенности.

Регулярный характер парадигматических связей между элементами системы средств выражения посессивных отношений, а также существование определенных закономерностей изменения значений этих элементов в сочетаниях позволяет заключить, что данная система обладает свойствами функционально-семантической категории, формой существования ко-

торой в языке является функционально-семантическое поле посессивности.

Литература

Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Васильченко Н. А. Посессивность в ракурсе референции (на материале современного французского языка): Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1991.

Степанян В. А. Выражение притяжательных отношений лексико-грамматической подсистемой глаголов типа *donner* (на материале современного французского языка) // Проблемы синхронного и диахронного описания романских языков: Республиканский сб. науч. тр. Пятигорск, 1976.

Kleiber G. Anaphore associative et relation partie-tout: condition d'aliénation et principe de congruence ontologique // *Langue française*. 1999. № 122.

Langacker R. W. Observations on french possessives // *Language*. 1968. V. 44. № 1.

Источники

Aymé M. Contes et nouvelles. М., 1967.

Daninos P. Les carnets du major Thompson. P., 1964.

Gripari P. Rêveries d'un Martien en exil. Lausanne, 1976.

Japrisot S. La dame dans l'auto avec des lunettes et un fusil. P., 1986.

Mallet-Joris F. Lettre à moi-même. P., 1970.

Mercanton J. Le soleil ni la mort. Lausanne, 1979.

Pagnol M. La gloire de mon père. P., 1990.